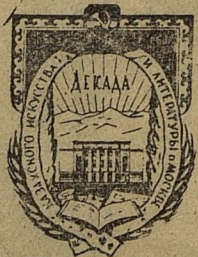

Творческий портрет

Начало пути

Идрыс Ногайбаев принадлежит к молодому поколению артистов Казахского Академического театра

драмы. Его творческий актив насчитывает не более десяти ролей, сценическая биография исчисляется четырьмя годами. Но, несмотря на это, он уже сейчас артист ярко выраженной индивидуальности, настойчиво и целеустремленно ищущий свое место в искусстве.

Алма-атинский зритель впервые познакомился с молодым артистом в дипломном спектакле выпускников ГИТИСа «Егор Булычев и другие». Уже в работе над образом Булычева проявилось умение И. Ногайбаева зажить внутренней жизнью своего героя, выделить в нем главные, определяющие черты характера, придать им остроту и ясность. Поражало внимание молодого артиста к четкости и выразительности сценической формы образа, сдержанность и скупость внешних изобразительных приемов при глубокой внутренней сосредоточенности. В этом спектакле сказалось его стремление достичь самого трудного и сложного в сценическом искусстве — полного перевоплощения в характер изображаемого лица.

В годы учебы Идрыс встретился еще с одним горьковским образом — Тетеревым в спектакле «Мещане». Тетерев — Ногайбаев был человеком большого чувства и широкой натуры. Артист передавал ненависть и

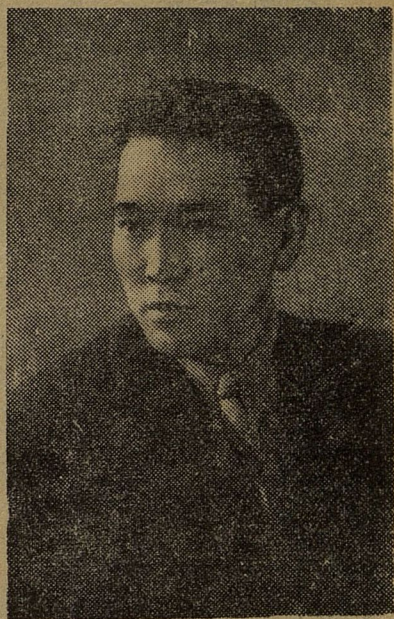
презрение своего героя к мещанству и в то же время его пассивность и бессилие.

Работа над образами горьковской драматургии явилась для начинающего актера замечательной школой реалистического мастерства. Он пришел в Казахский Академический театр драмы актером большой творческой потенции. И надежды, которые возлагали на него старшие товарищи по искусству, скоро оправдались.

За время работы в Алма-Ате его успел хорошо узнать и полюбить зритель столицы. И это не тот случайный, преходящий успех, который подчас сопутствует актерской молодости и обаянию, а заслуженное признание за настоящую, целеустремленную, напряженную работу.

В лучших сценических созданиях И. Ногайбаева, таких, как Фархад («Фархад и Ширин» Н. Хикмета), Есен («Енлик-Кебек» М. Ауэзова), Мылкау («Ахан-сере — Актоты» Г. Мусрепова), Айдабол («Одно дерево — не лес» А. Тажибаева) раскрылись наиболее сильные стороны его дарования.

Когда смотришь И. Ногайбаева в «Фархаде и Ширин», трудно представить, что этот пылкий, стремительный, стройный юноша играл вчера Егора Булычева. Фархад — Ногайбаев — талантливый художник, познавший сокровенные тайны своего искусства, нежный, возлюбленный, готовый ради любимой на подвиги. Артист играет своего героя

щедро и красочно, создавая характер цельный, необузданный и страстный, непобедимый в своем стремлении к свету и чистоте.

А вот перед нами неудачливый влюбленный Есен, непосредственный и наивный, доверчивый и недалекий. И. Ногайбаев любит своего героя и не спешит его дискредитировать. Артист показывает честность, прямоту, неподкупность Есена, горячность и необузданность. Но все эти качества его натуры оборачиваются в свою противоположность, когда становятся на службу родовых предрассудков, ослепивших Есена. Тем самым образ Есена помогает решению сверхзадачи спектакля. И в том, что страстная мысль ауэзовской пьесы, призывающая к дружбе и сплоченности казахского народа, осуждающая родовые предрассудки и

междоусобную борьбу, звучит в спектакле в полный голос, есть немалая заслуга молодого артиста И. Ногайбаева.

Артист играет Есена с подкупающей непосредственностью, легко и увлеченно. «Вживание в образ» получилось настолько абсолютным и глубоким, что мы совершенно забываем о присутствии на сцене актера Ногайбаева. Перед нами подлинный герой пьесы М. Ауэзова, то смущенный и робкий, то самонадеянный и самодовольный, то послушный и покладистый, то рассвирепевший и безжалостно жестокий.

Работа над ролями Фархада и Есена показала умение молодого артиста создавать конкретные, жизненно-убедительные и социально-обусловленные сценические характеры. Какие бы роли ни играл И. Ногайбаев, он всегда выступает как артист характерный. Его обязательным условием всегда является перевоплощение в характер изображаемого лица. Он не умеет обходиться приблизительной передачей внутренних и внешних качеств героя. Этим во многом и объясняется неудача И. Ногайбаева в роли Александра II в «Чокане Валиханове» С. Муканова, драматургический материал которой не дал артисту цельного и законченного художественного образа.

При всей несхожести и самобытности сценических созданий актера всем им присуще что-то родственное. Это непосредственность и стремительность их побуждений и порывов. Его герои — натуры необузданно, стихийного темперамента, их эмоции и страсти порой не сдерживаются рассудком, не подчиняются ему.

Лучше всего И. Ногайбаеву удаются образы в казахских пьесах. Он

один из немногих молодых актеров республики, в творчестве которых так живо бьет национальная струя. Причем в национальных характерах, созданных актером, всегда четко определена и передана историческая эпоха и социальная направленность. Образы Есена, Мылкау, Айдабола убедительно подтверждают это.

Уже одно перечисление ролей И. Ногайбаева свидетельствует о его большом актерском диапазоне. Трагический образ Егора Булычева, умудренного жизненным опытом, осознавшего бесплодность прожитой жизни, и сильный благородный Фархад, сменивший ради счастья своего народа нежную кисть художника на тяжелый молот каменотеса, застенчивый, неподкупно честный Айдабол и мрачный глухонемой Мылкау с силой богатыря и душой ребенка.

Успешно работает И. Ногайбаев и в кино. Он снимался во многих фильмах Алма-Атинской киностудии. Среди этих ролей особое место занимает серьезная и ответственная работа в «Ботагозе» над образом Амантая — неграмотного старика из аула, ставшего вождем народного восстания.

И. Ногайбаев только начинает свою жизнь в сценическом искусстве. Эта жизнь обещает быть большой и интересной. Надо только, чтобы верными спутниками в ней всегда были вдохновенный, увлекательный труд, горячая любовь к делу и творческое беспокойство, чтобы каждая роль, каждое выступление на сцене звали его к новым исканиям, к решению сложных художественных задач, к совершенствованию актерского мастерства.

Л. БОГАТЕНКОВА,
Б. КУНДАКБАЕВ.